

Глава 5

После ужина Сюй Цю не находил себе места: то вскакивал, то снова ложился, ворочаясь с боку на бок.

Мао Сяофэй, закинув ногу на ногу, даже не смотрел в его сторону — неохота было связываться. Мысли его наконец-то выстроились в четкую цепочку. Тот благодетель явно вел какую-то свою, мутную игру. Сяофэя ведь не просто отправили вместо другого новобранца — его сюда буквально впахнули. Жетон с орхидеей с его собственным именем наверняка хранил в себе какую-то разгадку, и Сюй Ци мог об этом знать. Да только тот ушел умываться и все никак не возвращался.

Сяофэй со вздохом перевернулся на другой бок. Ужин оказался на удивление сытным — в животе приятно тяжелело, так что даже повернуться стоило немалых усилий.

Нащупав в складках одежды жетон с орхидеей, он легонько похлопал ею Сюй Цю по щеке. Тот, и без того пугавшийся каждого шороха, чуть было не завопил от неожиданности, но Сяофэй вовремя наградил его предупредительным взглядом.

Сюй Цю испуганно зажал рот ладонью и едва слышно прошептал:

— Чего тебе?

— Глянь-ка сюда, — Сяофэй вложил жетон с орхидеей в пухлую ладонь толстяка и ткнул пальцем в дерево. — Можешь сказать, откуда эта вещичка?

Сюй Цю нахмурился. Он долго и мучительно вглядывался в знаки.

— Тут твое имя написано, — наконец выдавил он.

— То, что здесь мое имя, я и без тебя знаю! — фыркнул Сяофэй. — Я спрашиваю, ты сам жетон с орхидеей признаешь? Откуда она взялась?

Впрочем, надежды на толстяка было мало. Соображал Сюй Цю туго, врать совершенно не умел, да и умом, мягко говоря, не блистал. Зато Сяофэй теперь твердо знал: этот увалень не способен на настоящее злодейство. А то, что будить не стал да усыпляющим порошком опоил — так ведь это помощник генерала Лю его прижал, деваться некуда было.

Хотя, конечно, продаться за один паршивый маньтоу... От этого Сяофэю одновременно хотелось и смеяться, и плакать.

— Орхидея эта... — пробормотал Сюй Цю, с трудом ворочая языком. — Знакомый узор. Точно

где-то видел.

Сяофэй подался вперед, затаив дыхание, но Сюй Цю лишь покачал головой:

— Не, не помню. И вообще, жрать охота.

Сяофэй закатил глаза. Забрав жетон с орхидеей, он порылся в кармане и протянул толстяку половину кукурузной пышки, которую припрятал во время ужина.

Сюй Цю жадно взглянул на угощение, и в его глазах выступили слезы умиления. Сяофэй снисходительно махнул рукой:

— Ладно тебе, не разводи сырость. Лучше запомни: если этот пес Лю опять велит тебе пакость против меня устроить — сразу беги ко мне и выкладывай все как есть.

Толстяк закивал как болванчик, уже вовсю уплетая пышку и роняя крошки на грудь.

Вдруг над лагерем проревел призывной горн. Сяофэй тут же натянул одеяло на голову. Мимо его нар загремели сапоги — новобранцы спешно строились на выход. За последние два дня Сяофэй усвоил простую истину: хоть в Стране Верхней Ци, хоть в Цинси — везде ценится умение не совать нос в чужие дела. Помощнику генерала Лю ничего не стоило сжить со свету бесправного рядового, а значит, нужно было брать судьбу в свои руки и уносить ноги.

А самый надежный выход — дезертирство. Беглецов, конечно, казнят без пощады, но ведь Сяофэя изначально не было в списках! Его имя вписал лично Лю, решив заткнуть им брешь. Официально для армии Мао Сяофэя просто не существовало.

Так почему бы не разыграть эту карту? Раз уж Лю задумал сегодня избавить лагерь от неугодного новичка, самое время обернуть его ловушку против него самого.

Из темной глубины ущелья доносился сонный щебет ночных птиц. Над лагерем колыхалось багровое зарево костров и факелов. В мирные дни, когда до настоящей войны было далеко, над палатками ветеранов звенели грубые, раздольные солдатские песни — старые вояки за долгие годы службы научились находить радость в любой мелочи. В новобранском же секторе царил уныние. Вчерашние крестьяне еще не притерлись друг к другу, а бесконечная изнуряющая муштра высасывала из них последние силы.

В густом кустарнике за казармами зашуршало, и на свет божий осторожно высунулась вихрастая голова.

Сяофэй соорудил себе маскировку из огромного листа дикого таро и теперь внимательно наблюдал за плацем. Лю уводил новобранцев на ночной марш-бросок. Солдаты уныло брели пешком, а сам помощник генерала, гордо выпрямив спину, восседал в седле и то и дело

взмахивал плеткой, выкрикивая приказы.

Сяофэй пришел в лагерь налегке, так что сборы не заняли много времени. Скинув уставную форму, он облачился в свои старые тряпки. Лагерь окружал хлипкий низкий частокол — такой разве что от дикого кабана спасет, да и то не всякого. Войны сейчас не было, дозорные несли службу спустя рукава. К тому же ходили слухи, будто самого генерала в лагере нет, а без твердой руки начальства дисциплина всегда летит к чертям.

В первую же ночь Сюй Ци долго расписывал подвиги их военачальника. Ратные труды — полдела, но сам молодой генерал Му Цаньшан прославился еще мальчишкой. В десять лет он отправился с отцом в Западный поход, расширяя границы Цинси. В двенадцать словил стрелу, вылетел из седла и едва не испустил дух, но выкарабкался. Говорили, полгода пластом лежал, от поясицы до самых ягодич покрывался гнойными пролежнями, так что в его покои из-за вони войти было нельзя. А на ноги его поставил вовсе не лекарь, а ученик какого-то бродячего даосского монаха.

Словом, фигура легендарная, окутанная мифами. Правда, Сяофэй все эти басни пропускал мимо ушей — в одно влетало, в другое вылетало.

В родной Стране Верхней Ци, например, болтали, будто при рождении нынешнего императора из лона вдовствующей императрицы выпорхнул золотой феникс. Сяофэй прекрасно понимал: подобные сказки сочиняют ушлые люди, чтобы дурачить простаков. И если ты в это веришь — поздравляю, ты круглый дурак.

Прокручивая в голове эти нелепые слухи, Сяофэй пробрался к забору. Отыскав место, где бамбуковые жерди погнили и разошлись шире обычного, он раздвинул их руками, сначала просунул ногу, а затем, пригнувшись, ужом проскользнул наружу.

За оградой раскинулось заросшее бурьяном поле. С наступлением темноты от сырой земли потянуло тяжелым, теплым паром.

Пальцы Сяофэя крепко вцепились в шероховатое дерево забора. Ночью в этих глухих горах выжить непросто. В вышине раскинулся бездонный купол неба, на фоне которого смутно чернели бесконечные, вздымающиеся к облакам хребты.

Позади, за частоколом, мерцали огни лагеря, даря обманчивое ощущение тепла и безопасности.

Сяофэй стиснул зубы и, не оборачиваясь, нырнул в заросли.

Впрочем, весь его трагический настрой улетучился уже через пол-ли, стоило ему заметить в траве парочку жирных диких кур. Дорога из ущелья была единственной, заблудиться здесь не сумел бы даже самый безнадежный топографический кретин — вроде самого Сяофэя, которого привезли сюда спящим в телеге.

В сочной зелени мелькнул яркий хвост. Птица рванулась прочь, но Сяофэй уже намертво зафиксировал цель взглядом. Он бросился следом, напролом сквозь колючие ветки. Острые листья хлестали по лицу, но ему было плевать. С тех пор как этот паршивец, князь Аньян Янь Нинжун, выставил его вон, а судьба-злодейка вдобавок наградила тяжелой болезнью, Сяофэй забыл вкус нормального мяса. При виде дичи у него в глазах зажегся волчий голод.

Сяофэй мчался во весь дух. Перепуганные куры отчаянно хлопали крыльями, совершая немыслимые кульбиты в траве. Стоило беглецу выбиться из сил и замедлить шаг, как впереди снова взлетал фонтан перьев. Упустить такую добычу? Да ни за что! Запечь на углях, закопать в горячую золу... Он ведь не зря стащил из лагерной кухни горсть крупной соли. Представив хрустящую золотистую корочку и сочное, тающее во рту мясо, Сяофэй шумно сглотнул, утер набежавшую слюну и пошире раскинул руки, готовясь к решающему броску.

Птицы, кажется, выдохлись. Сяофэй замер и начал медленно, бесшумно подкрадываться.

Тонкие стебли колыхались от легкого ночного ветерка, приоткрывая обзор. Сяофэй прильнул глазом к просвету между листьями. В тишине раздался отчетливый звук его собственного сглатывания.

— Ко-ко-ко! Кудах-тах-тах! — огласил окрестности истошный птичий вопль.

Спустя мгновение Сяофэй уже сидел на земле, скрестив ноги. В левой руке он держал одну бьющуюся птицу, в правой — вторую. Стянув их крылья, он победно расцеловал обеих в недовольные клювы.

— Попались, голубчики! От меня еще никто не уходил! — Сяофэй поднялся, сияя от гордости.
— Так, как мы поступим? Кого первого на вертел? Тебя?

Левая курица изловчилась и злобно ткнула его в губу. Сяофэй едва успел отшатнуться.

— Ух ты, какая шустрая! Ну, значит, с тебя и начнем. Стоп, да вы обе несушки... — Сяофэй почесал затылок. Куриную анатомию он знал неплохо, но таскать с собой живой груз в надежде на утреннее яйцо — затея глупая. На дворе глубокая осень, нести их будут в лучшем случае раз в неделю. Проще сразу пустить в дело.

Напевая под нос веселый мотивчик, Сяофэй зашагал дальше. Мальчишеские повадки уличного сорванца не прошли даром: ориентируясь по еле слышному журчанию, он вскоре вышел к глубокому оврагу. На дне его, извиваясь серебряной змеей в лунном свете, несла свои воды чистая горная речушка.

Сяофэй ласково погладил добычу по перьям:

— Сейчас мы вас помоем, ошиплем, выпотрошим, присыпем солью и запечем в глине. Как вам

план, а?

— Ко-ко... — уныло отозвалась одна из заложниц.

— Вот и я говорю — отличная мысль! — рассмеялся он. — Жаль только, сыро тут. Обычный костер разводить замучаешься, да и дым пойдет, а нам лишнее внимание ни к чему.

Сяофэй связал лапы птиц прочным стеблем дикой травы и привязал другой конец к своей щиколотке, чтобы не удрали, пока он занят делом. Спустившись к воде, он с удовольствием умылся, смывая дорожную пыль и пот. Он уже протянул руку к курам, как вдруг его взгляд зацепился за темный бесформенный силуэт, покачивающийся на волнах у самого берега. Похоже было на старый тряпичный мешок.

Сяофэй замер. «Уж не покойник ли?» — пронеслась жуткая мысль. Желудок мгновенно сжался от отвращения при воспоминании о том, что он только что умывался этой самой водой. Его едва не вывернуло наизнанку.

И тут «мешок» шевельнулся. Прямо из речной пучины начала медленно подниматься высокая, широкоплечая фигура. Незнакомец, выпрямившись во весь рост, глядел прямо на перепуганного юношу. Поскольку луна светила со спины пришельца, лицо его тонуло в зловещем непроглядном мраке.

— Мамочки-и-и! — дико заорал Сяофэй.

— Кудах-тах-тах-тах! — вторили ему обезумевшие от страха птицы.

В этот безумный миг смешалось все: холодный свет луны, брызги воды и перья. Сяофэй рванулся прочь, но куры, привязанные к ноге, устроили форменную свалку, путаясь в траве и нещадно его клюя. Птицы хлопали крыльями прямо перед его лицом. Защищая голову одной рукой, он на ходу перерезал путы, схватил обеих кур за лапы и припустил вверх по склону.

Сзади раздался тяжелый, оглушительный всплеск.

Сяофэй застыл на месте, чувствуя, как ледяной пот катится по спине. Ноги мгновенно сделались ватными, отказываясь подчиняться.

— Пощади, добрый человек! — запричитал он, прижимая к груди кудахтающих кур. — Кто тебя погубил — с того и спрашивай, а меня не трогай! Я вообще мимо проходил! И не думай, что я боюсь, Мао Сяофэй не из пугливых!

Его нос нещадно клевали, но боли он не чувствовал. Казалось, в затылок дышит могильным холодом. Колени ходили ходуном. Кое-как совладав с паникой, он сделал несколько шагов, спотыкаясь на каждом метре.

В ущелье снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным шепотом реки.

«Может, померещилось?» — подумал он.

Набрав в грудь воздуха, Сяофэй заставил себя обернуться. Он сильно прищурился, оставляя лишь крошечные щелочки, готовый в любой момент зажмуриться обратно. Никаких подозрительных звуков не последовало.

У кромки воды по-прежнему колыхалось то самое темное пятно, напоминающее мешок с тряпьем. Река текла спокойно, словно никто из нее и не поднимался.

Сяофэй сделал осторожный шаг назад.

Обреченно вздохнув, он покачал головой — собственная глупость и жалость когда-нибудь его погубят. Он привязал несчастных кур к ветке дерева, неподалеку аккуратно положил свой узелок с вещами — все его скромное имущество. Спустившись к реке, Сяофэй забрел в воду. Преодолевая сопротивление течения, он приблизился к темному объекту и перевернул его лицом вверх. В этот миг его сердце пропустило удар.

Перед ним лежал юноша. Его лицо было смертельно бледным, покрытым глубокими ссадинами, которые от долгого пребывания в воде разбухли и приобрели розоватый оттенок. Судя по отсутствию уставной формы, это был не солдат, а простой мирный житель. Сяофэй сразу почувствовал к нему необъяснимую жалость. Подхватив парня под мышки, он из последних сил выволок его на каменистый берег.

Ночной воздух в низине был пропитан сыростью. Сяофэй честно пытался развести костер, но собранный валежник никак не хотел разгораться, лишь исходил едким дымом. Делать нечего. Вскинув бесчувственное тело на спину, он потащил своего нежданного спутника вверх по склону, надеясь отыскать сухую пещеру или хотя бы скальный навес.

Странное дело: дремучий лес, казавшийся раньше грозным чудовищем, теперь перестал наводить на него прежний ужас.

Спотыкаясь о корни и увязая в грязи, Сяофэй волок на себе тяжелую ношу, свободной рукой придерживая связанных кур. Когда он наконец наткнулся на небольшую сухую пещерку, силы окончательно покинули его. Голод и жажда изнурили его настолько, что он просто рухнул на каменный пол без задних ног.

В узелке оставалась последняя кукурузная лепешка, которую он сберег, пожертвовав собственным ужином. «И зачем я отдал вторую половину этому глупому Сюй Цю? — с досадой подумал Сяофэй. — Лю в любом случае подкинул бы ему жратвы за выполненное грязное дело». Излишняя доброта вечно выходит боком. Сейчас от голода у него темнело в глазах. Сяофэй прижал кулак к ноющему желудку и уже поднес лепешку ко рту, но тут его взгляд упал на распростертого рядом парня.

Немного поколебавшись, он разломил крошечную лепешку пополам. Свою долю он жевал долго и вдумчиво, стараясь растянуть скудное удовольствие. Затем принялся за работу: перетаскал к лазу крупные валуны, завалив проход почти доверху, чтобы ночью в пещеру не нагрянуло лесное зверье. Закончив, он без сил опустился рядом с незнакомцем и прижал пальцы к его шее.

Живой. Дышит, хоть и слабо. Сяофэй приподнял его голову и попытался влить в рот немного воды из фляги. Большая часть пролилась на подбородок, но парень все же слабо поморщился — хороший знак.

«Доживем до утра, а там видно будет, — подумал Сяофэй. — Если помрет, хоть похороню по-человечески, негоже телу гнить в диком лесу».

Мысли путались. Он стянул со спасенного мокрую одежду, скинул свою и развесил сушиться на сквозняке у входа, где ветер быстро трепал плотную ткань. Оставшись ни в чем, Сяофэй сжался в комок и улегся вплотную к ледяному телу незнакомца, пытаясь согреться. Среди ночи его словно током прошибло — сквозь сон он почувствовал, как чьи-то ледяные пальцы шарят по его телу. Он в панике подскочил, отпихивая от себя чужие руки.

В ответ раздался глухой, болезненный стон.

Только тогда Сяофэй окончательно проснулся и вспомнил, что он здесь не один.

Прикосновение ледяных рук вызвало у него дрожь отвращения. Прекрасный сон, в котором он уплетал сочную свиную рульку, мгновенно испарился, сменившись уродливой физиономией Эрдинцзы. Разозлившись, Сяофэй пнул бесчувственное тело пару раз. Он уже замахнулся для третьего удара, но вовремя остановился. Приглядевшись в темноте, он заметил, что парня бьет крупная, непрекращающаяся дрожь.

Сгорая от любопытства, он осторожно приложил ладонь ко лбу незнакомца.

Матушка моя покойная!

Сяофэй отпрянул. Лоб незнакомца пылал как раскаленный уголь, губы бессвязно шептали бред. Идти искать целебные травы глухой ночью — чистое самоубийство: в темноте ни зги не видно, только сам с обрыва шею свернешь. Парень тем временем скорчился, поджимая под себя руки и ноги, точно подкошенная чумой курица. Тяжело вздохнув, Сяофэй лег рядом и крепко прижал бедолагу к себе. Тот, почувствовав тепло, инстинктивно обхватил его руками и ногами, словно за спасительную соломинку.

«Спасенная жизнь ценнее семиярусной пагоды», — повторил про себя Сяофэй эту буддийскую мудрость раз эдак тысячу и наконец провалился в сон. На рассвете первые лучи солнца, проникшие сквозь щели между камнями, разбудили его. Парень в его объятиях все еще спал. В тусклом утреннем свете проступили черты его лица — молодого, но уже удивительно волевого.

Кожа у него была красивого бронзового оттенка, но лоб то и дело прорезала мучительная гримаса, а потрескавшиеся губы покрылись запекшейся кровью.

<http://bllate.org/book/18429/1768532>